

ВАДИМ
ПАНОВ

ОТРАЖЕНИЕ

Москва 2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Дизайн переплета А. Саукова

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Отражение / Вадим Панов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-090586-7

Шесть историй. Шесть куплетов из песен знаменитых рок-групп. Шесть жанров. И многослойный сюжет, с математической точностью связывающий новеллы в объемный роман, вплетающий в нашу повседневность невозможное и неосуществимое. Отражение – мир, в котором можно купить мечту, молодость, признание и даже зло. Цена невысока – всего лишь человеческая жизнь. Но, к счастью, всегда находятся те, кто готов противостоять Злу: и внешнему, и внутреннему. С виду обычные люди, которых вы каждый день встречаете на московских улицах или питерских набережных, в Отражении становятся орудием возмездия. Но как бы ни преобразились герои в Отражении, оно, если присмотреться, не так уж и сильно отличается от привычного Дня. Ведь оно – отражение нашей реальности, в наших глазах, наших сердцах, наших умах и капле дождевой воды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090586-7

© Панов В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

*Посвящается моей жене Наталье,
Отражению моего сердца...*

Тень птицы, бесшумно скользящая по земле. Прячущийся в зеркале двойник. Трепещущий на поверхности реки образ города и другой, почти невидимый, сотканный из капель неба... Каждую секунду, каждое мгновение мир смотрит на себя и порождает Отражения. Бесчисленное множество Отражений, перемешанных так густо, что Явь становится неотличимой от Таинства. Отражения железа и камня, желаний и надежд, веры и мечтаний, забытого прошлого и усталого будущего, тайных помыслов и жутких страхов... Отражения любви и ненависти. Они раздвигают горизонты реальности и вплетаются в ткань мира, делаясь его частью и порождая новые Отражения.

Ибо все, что мыслимо, — осуществимо. Ибо все, что мыслимо, — настоящее.

Макам VII

КОЛДОВОСТВО

Каждый вечер я иду к тебе
И зажигаю свечи на твоём окне.
Каждый вечер гонит дождь меня,
Но снова тают свечи, с ними таю я...¹

INGRESSO

Морщина!

Не тоненькая, напоминающая упавшую на лицо паутинку, а настоящая, глубокая морщина, обезобразившая лоб. Проклятая морщина, дерзко намекающая на возраст, на те годы, что остались позади. Не вечность, конечно, но долгие, очень долгие годы. Давно стершиеся из памяти и навсегда оставшиеся в ней. Годы побед, свершений, поражений... Годы жизни. Невозможно долгой для подавляющего большинства людей жизни.

Он знал, что бессмертие не для него, что настанет час, когда уникальный ритуал перестанет действовать и неумолимое время явится к нему с пачкой неоплаченных счетов, но за длинную свою жизнь свыкся с мыслью, что до конца далеко.

А проклятая, очень глубокая морщина только что сказала: «Нет!»

¹ «Колдовство», группа «Кукрыниксы».

Старость и бессилие гораздо ближе, чем кажется, и морщина — далеко не первый их признак. Есть еще неприятный запах изо рта, который невозможно заглушить никакими освежителями. Сухая кожа. Блеклые волосы. Ноющие перед дождем суставы...

Сила пока есть, но время уходит, и если раньше он проводил ритуал раз в год, то теперь его приходится совершать каждые три-четыре месяца. Пройдет еще лет десять, и ритуал перестанет работать.

Совсем.

— И тогда я умру.

Он боялся смерти, но фразу произнес спокойно, потому что не ждал ее сейчас. Смерть снова будет обманута.

Он нежно прикоснулся подушечками пальцев к холодному стеклу, погладив свое отражение по щеке, и вернулся к столу, сервированному на одну персону. Тарелка тончайшего антикварного фарфора — не пошлая современная штамповка, а настоящая старинная работа, сочетающая в себе стиль и благородство. Серебряные приборы, изготовленные особо, с личным вензелем, подчеркивающие высокое положение хозяина. Графин с дорогим красным вином и хрустальный бокал.

Электрическая люстра выключена, комнату освещают три свечи.

Ни золото, ни серебро, ни хрусталь, ни фарфор для проведения ритуала не требовались, но ему нравилось украшать таинство дорогим антуражем, нравилось создавать атмосферу мистического романа девятнадцатого века. Он был поклонником старой литературы и с любовью выстраивал пышные декорации, несмотря на то что суть происходящего заключалась в обыденном поглощении особо приготовленного кушанья. А все заклинания были произнесены во время приготовления блюда. Тогда вершилась магия, и сложная церемония шаг за шагом изменяла мир ради исполнения его желания, а сейчас... Сейчас ему предстояло просто съесть блюдо. В одиночестве. Запивая его

превосходным красным вином с нотками ежевики и долгим послевкусием.

— Ну-с, приступим, — он всегда начинал этот особый ужин такими словами.

Снял крышку с фарфоровой супницы, в которой плавало главное блюдо — не очень большой кусок вареного мяса, осторожно переложил его на тарелку и неспешно, словно священнодействуя, отрезал первый ломтик. Небольшой. Только для того, чтобы раззадорить аппетит.

Он положил кусочек в рот, тщательно пережевал, проглотил, запил глотком вина и замер.

— Прекрасно! — В этот момент он всегда делал короткую паузу, наслаждаясь открытием ритуала. — Прекрасно!

А вот затем случилось чудовищное преобразование.

Исчез элегантный «аристократ», в одиночестве ужинающий при свечах. Пропали благородная осанка и строгие жесты. Исчезла статья. Глаза мужчины выпучились, словно голову распирало изнутри, рот перекосило, а пальцы скрючились, и руки стали напоминать когтистые лапы хищной птицы. Мужчина отбросил приборы, вцепился в мясо и принялся с рычанием рвать его зубами. Проглатывал, не успевая прожевать, и тут же рвал следующий кусок, словно боясь, что кусочек отнимут и он останется без деликатеса. Мужчина перепачкал и лицо, и руки; сок и слюни стекали по подбородку на одежду, оставляя грязные следы на ней и скатерти, но мужчине было все равно.

Он жрал.

Словно изголодавшийся зверь. Он жрал, задыхаясь от счастья и жадности, урча и притоптывая ногами, готовый убить любого, кто осмелится помешать, не чувствуя вкуса, но наслаждаясь каждым куском. Поглотив мясо, мужчина вылизал тарелку, затем вскочил на ноги, схватил супницу, припал к ней губами и, не отрываясь, выпил весь бульон.

Отрыгнул.

Вернул супницу на стол, большими глотками допил оставшееся в бокале вино, подошел к зеркалу, снова рыгнул и широко улыбнулся — проклятая морщина исчезла. А вместе

с ней — неприятный запах из старческого рта и дряблая сухость кожи. Волосы остались седыми, но их здоровый блеск говорил о внутренней силе. Ритуал в очередной раз победил признаки увядания и наполнил тело мощью молодости.

Мужчина вытер лицо салфеткой и повернулся, услышав робкий стук в дверь.

— Войдите!

— Павел Аркадьевич, вы здесь?

— Да.

Галя приоткрыла дверь, проскользнула в комнату, подошла к вернувшемуся в кресло мужчине и остановилась, робко теребя подол коротенького пеньюара. Она жила в его доме не так давно, но хорошо знала, что нужно делать, чтобы возбудить мужчину.

— Я проснулась, а вас нет, — пролепетала девушка, не поднимая взгляд и всем своим видом напоминая напуганную школьницу. — Мне стало тревожно...

У мужчины раздулись ноздри.

— Подойди.

Он развязал пояс и распахнул халат. Девушка хотела встать на колени, но увидела, что этого не понадобится.

— Сюда!

Он развернул Галю спиной и притянул к себе.

Она вздрогнула. Устроилась удобнее и улыбнулась:

— Вы настоящий сердцеед, Павел Аркадьевич.

— Знаю. — Он погладил ее нежные округлости и повторил: — Знаю...

PUNTO

Этот дом должен был родиться в Питере: тяжелый, основательный, не очень высокий и угловатый, выстроенный массивным квадратом с узким двором-колодцем, — он выглядел чужим на московской улице. В городе, который даже сегодня иногда называют «большой деревней». Дом выглядел каменным гостем с берегов далекой Невы, некогда явившимся на дерзкий вызов древней столицы да заплутавшим среди Семи холмов. Выглядел сосредоточен-

ным, подобно поднявшему щит рыцарю, выглядел готовым противостоять яростному ветру с залива, но вместо этого отмахивался от тополиного пуха да скучал, небрежно считая пробегающие годы.

Московское отражение Питера...

Особенно красивым дом становился в вечернем сумраке, опутанный таинственными тенями, резко подчеркивающими придуманные архитектором линии. Когда же ночь полностью вступала в права, запирая город в беспросветный мрак, дом становился крепостью. Арку перекрывали кованые ворота, запирались окна и двери, а тусклые фонари превращались в сторожей, не пускающих ночь во двор. Дом заботился о своих жителях, оберегал их, но получалось у него не всегда.

Далеко не всегда.

И в то полнолуние...

Нет. В то полнолуние жителям дома ничего не грозило, и он просто наблюдал: мрачный и молчаливый. Наблюдал, как заснули тусклые фонари-сторожа, сдавшиеся напору чернильной Тьмы. Как закружил по двору лютый ветер, меняя ткань привычной ночи на ее отражение, а на асфальтовом дне колодца вспыхнул нестерпимо-белым сиянием магический квадрат, внутрь которого вписался алый, как артериальная кровь, круг, испещренный черными символами заклинаний и защиты от них. Круг невиданной силы, собрать которую можно было лишь в Великое Полнолуние, собрать которую можно было лишь в Великое Полнолуние, круг удивительной и страшной трансформации.

Круг набухал вверх, беременный пузырем алого сияния, и когда он порвался — бесшумной вспышкой, заглянувшей в каждое окно зловещим отблеском, тучи неожиданно рассеялись, и прямо над колодцем встала удивленная Луна.

Огромная, очень близкая Луна.

Это было первое, что я увидел.

Отражение Солнца.

Красноватый шар, испещренный оспинами, висел надоевшей, заливая двор ворованным светом. Тучи обегали шар, боясь задеть его раскаленные бока и тем нарушить магию

Великого Полнолуния — одного из главных праздников Отражения, когда сильнейшие заклинания способны творить и жалкие неумехи.

Луна казалась такой огромной и висела так низко, что, взобравшись на крышу, я смог бы пнуть ее ногой.

Наверное.

Но тогда я просто смотрел на красноватый шар, не желая ему зла, а он отвечал равнодушно, не зная ни меня, ни моей боли, ни моей ненависти. Впрочем...

Я сам тогда их не знал.

А когда Луна наскучила, я попытался сделать шаг и выяснил, что ноги скованы холодными, как лед, колодками — невидимыми, но крепкими. Это стало неожиданностью. Я огляделся, изучая знакомый двор с пристальным вниманием. Двери и ворота заперты, огни погашены, городской шум запутался в темной вате магии и сна, и вокруг царит полнейшая тишина. Я стою в квадрате, нарисованном на асфальте двора светящейся белой краской. В квадрат вписан алый круг, испещренный черными символами и вскрытый кесаревым скальпелем, чтобы я смог вырваться наружу. Обрывки круга испускают алое сияние, в котором прячутся мои ноги ниже колен. Видимо, там же прячутся и колодки. В углах квадрата догорают свечи. Их свет призрачен, ведь свечи заняли его у Луны. Воск вампирически бледен, потому что взят взаймы у Смерти и сейчас возвращается к ней, пропадая в асфальте двора.

Воск не плачет, он убегает.

Он меня боится. Не Смерть, а ее воск. Он убегает от меня, хочет вернуться к Смерти, ведь там безопасно — Смерть я не трону.

Во всяком случае, не сегодня.

Справа лежит мужчина. Лица не видно, но по фигуре и одежде я понимаю, что он молод. Скорее, юноша, чем мужчина. Навскидку — лет двадцать.

Мертвый.

Рядом с юношей стоит золотая чаша, до краев наполненная темной жидкостью. Похоже, он сцеживал в чашу кровь,

ослаб, повалился на правый бок и умер. Поза свидетельствовала, что перед смертью юноша ерзал ногами по асфальту, но чашу, к счастью, не перевернул.

Чаша меня притягивает. Но она далеко, за границей круга.

Я поднимаю голову и осматриваю окна первого этажа. Они темные. В обычную ночь окна слились бы со стенами, но сегодня — Великое Полнолуние, тучи спрятались, красноватая Луна щедро делится ворованным светом, и стекла даже блестят, готовые разбиться или раствориться по моему желанию. Но я не желаю. Я поднимаю голову выше и осматриваю окна второго этажа, мимоходом пробегаю взглядом по третьему и... И неожиданно для себя замираю.

Что-то не так...

Я пристально смотрю на второе окно слева по дальней стене, а через несколько секунд вспоминаю:

— Ольга! — Мой голос оказывается хриплым и слабым, я откашливаюсь и повторяю с нежностью: — Ольга.

А в следующее мгновение вижу ее отчетливо. Ольга распахнула створку, чуть подалась вперед, грудью навалившись на подоконник, помахала мне рукой и крикнула: «Привет! Я сейчас!»

Я машинально машу в ответ.

Я поднимаю руку, улыбаюсь, машу несколько раз и замираю, как идиот, глупо таращась на поблескивающий стеклом прямоугольник. Второй слева.

Пустой.

Как будто мертвый.

Почему пустой?

Потому что ночь?

Я вновь смотрю на Луну, словно спрашиваю о происходящем. В ответ Луну равнодушно тошнит серебряными лучами.

В окне никого нет. Во дворе никого нет. Мир стал пуст и холоден.

Мне хочется выть.